

Фото автора

Алтынай АСЫЛМУРАТОВА: Русскому балету просто нужно создать условия

АКАДЕМИЯ имени А. Я. ВАГАНОВОЙ ОТМЕЧАЕТ 275-летие

«Вечерний Петербург» встретился с Алтынай Асылмуратовой, легендарной балериной и первым проректором — художественным руководителем Вагановки, чтобы не только поздравить ее с юбилеем великого балетного училища, но и заглянуть в будущее российского балета, обсудив при этом некоторые насущные вопросы.

— Занимает ли Россия до сих пор лидирующие позиции в сфере балета? И если да, то что способствует нашему успеху?

— Несомненно, мы впереди. Обеспечивают это лидерство преемственность поколений и богатейшее наследие, которым мало кто обладает. Что бы ни говорили, все равно наш балет прочно стоит на ногах, черпая свои силы из опыта, который накапливался на протяжении долгих лет. Да, мы не впереди в плане направления модерна. Но все, что касается классической базы, мы умеем делать лучше всех.

— Как вы относитесь к модерну, и что же такое современный танец?

— К модерну я отношусь положительно, только вот понятия, объясняющие это явление в балете, весьма размыты. Есть модерн, для которого не обязательна классическая база, есть модерн, для которого она является неотъемлемой составляющей. Я ко всему качественному и талантливому отношусь очень хорошо, и не важно, модерн это или нет, впитал он в себя классическую базу или нет. А вот если отсутствуют качество и талант, то это, как минимум, расстраивает.

— Сейчас многие говорят, что после увольнения из Большого театра Николай Цискаридзе найдет, а может, уже и нашел себе место в Петербурге. Знаете что-то об этом?

— Скажу честно, я даже не знаю, что и ответить. У нас очень насыщенный год, множество мероприятий и есть чем заняться. Мир, конечно, слухами полнится, но мы ими не увлекаемся.

— Как вам кажется, русскому балету нужно держаться классической школы или же пришло время экспериментов?

— В балете очень сложно изобрести что-то новое, потому что практически уже все было, взять хотя бы начало XX века! Там была уже неоклассика, зарождался модерн, появлялись яркие хореографы. Поймите, балет — как картина, все зависит от художника: если художник талантлив, действительно что-то собой представляет, то полотна получаются яркими, глубокими, запоминающимися. Точно так же и в балете, если есть хореограф-мастер, я имею

виду человека такого масштаба, как, например, Григорович. Минувший век был богат художниками от балета: Чернышев, Бельский, Якобсон, Григорович, можно еще много фамилий назвать. Но тогда такое время было, что они были зажаты в рамках советской идеологии. И вот сейчас, когда все открыто и есть все возможности, мы ждем, что кто-то должен появиться. Пусть сейчас такого человека я не вижу, но имеется положительная тенденция: многие молодые люди пробуют себя как хореографы, пытаются творить именно на этом поприще, и поэтому я надеюсь, что в скором времени что-то изменится в лучшую сторону.

— Вы работали в Лондоне. Можете ли

вы сравнить внутреннюю работу труппы в России и за рубежом? Чем мы различаемся?

— Как балерина я работала не только в Лондоне, мне довелось работать в различных профессиональных компаниях, где удалось подсмотреть много интересного для будущего. Самое важное в работе зарубежных балетных трупп — планомерное построение работы. Что всегда импонирует, так это то, что они очень трепетно относятся к своему наследию, берегут и сохраняют всю свою имеющуюся классику, пусть и не такую богатую, как у нас. Мы же народ безалаберный, очень любим разбазаривать, в то время как они относятся с большим пиететом к своим классикам, к своим мастерам. Если же рассматривать именно работу труппы, то у них все более размеренно, тогда как у нас все спонтанно и неровно.

— То есть наша спонтанность мешает процессу?

— Как вам сказать... Если сравнивать Мариинский театр и театр «Ковент-Гарден», то у нас труппа больше раза в три! С

открытием же Второй сцены людей станет еще больше. Работа кипит постоянно, множество выездов, на нашу молодежь сейчас невероятная нагрузка. Иногда это сказывается на качестве. На Западе же иная система: они долго готовят одну программу, долго ее обкатывают. Затем программа меняется, и все повторяется сначала. У нас же репертуар постоянно разный: сегодня «Лебединое озеро», завтра «Весна священная», потом еще что-то и еще. Постоянно идет некая перебивка, составы срабатываются сложнее, соответственно возрастает нагрузка. Дальше сами вывод сделаете.

— Сейчас драматический театр увлекся экспериментами. Если посмотреть тот балет, который предлагают зрителю, скажем, в Лас-Вегасе, то мы увидим, что происходит сращивание классики и какого-то шоу с лазерами, дымом и прочими техническими «украшательствами». Стоит ли все это использовать в балете?

— Может быть, где-то... Почему бы и нет? Но есть места, где этого делать не стоит, например в Мариинском театре с его статусом. Я считаю, что таким вещам там не место. Но, с другой стороны, почему бы не сделать это на какой-либо другой площадке, если это красиво?

— Каким вы видите будущее русского балета? Через пять лет, десять?

— Так или иначе все развивается, от этого не уйти. Но классика останется на своем месте. Если вы возьмете в руки книги начала XX века, то поймете, что они полны лозунгов, гласящих, что классика не нужна и что она устарела. Сейчас же, живя в XXI столетии, мы видим, что театры до сих пор «кормят» классикой. Это происходит потому, что лучшее выбирается временем, оно остается навсегда. Будет ли наш балет развиваться, будут ли создаваться неоклассические полотна? Это зависит от того, появятся ли выдающиеся балетмейстеры, режиссеры, художники.

— Что же мешает русскому балету?

— Я не могу сказать, что нам что-то или кто-то мешает. Если в нашей балетной школе будет все хорошо, то отлично все будет и в балете. Если нас не будут дергать, если нас не будут выгонять с улицы Зодчего Росси, если нам дадут сохранить все как есть, то появятся и хореографы, и артисты из детей вырастут отличные. Я свято в это верю, просто нужно создать условия.

Фото Натальи ЧАЙКИ

«Если в нашей балетной школе будет все хорошо, то отлично все будет и в балете».

Беседовал Алексей БЛАХНОВ